

ТЕО-LOGOS

Августин Блаженный
О Троице

издание 2-е,
исправленное

УДК 231.01

ББК 86.37

A18

Вступительная статья А. В. Маркова

Перевод с лат. А. А. Тащиана

Августин Аврелий Блаженный

A18 О Троице. Издание 2-е, испр. / Августин Аврелий Блаженный ; [вступит. ст. А. В. Маркова; пер. с лат. А. А. Тащиана]. — М. : РИПОЛ классик. — 502 с. — (ТЕО-LOGOS).

ISBN 978-5-519-64887-5

Читателю предлагается 2-е (исправленное) издание полного перевода трактата «О Троице» выдающегося христианского мыслителя св. Аврелия Августина (Блаженного) (354–430 от Р.Х.). Этот труд по своему значению стоит в одном ряду с такими его сочинениями, как «Исповедь» и «О граде Божием», и посвящен систематическому изложению доктрины, в которой Августин видел основу христианского вероучения.

Трактат «О Троице» — образец рассуждения о божественных началах бытия, соединяющий истолкование Библии, психологию и точные суждения философии. Трактат Августина послужил образцом для психологического обсуждения метафизических представлений и для исследования применения общих положений для понимания истории.

Чтение трактата важно для всех, интересующихся богословием и классической философией, оно лучше всего позволяет понять европейскую культуру мышления о самых важных вопросах бытия.

Перевод осуществлен по изданию: *Patrologiae cursus completus: Series Latina* / Accurante J.-P. Migne. Parisiis: J.-P. Migne. T. 42, 1865.

УДК 231.01

ББК 86.37

© Тащиан А.А., перевод
на русский язык, 2017

© Марков А. В., вступительная
статья, 2017

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

ISBN 978-5-519-64887-5

АВГУСТИН: история самого вечного

Аврелий Августин внес в богословие историю и сам был историей. Историей он умел быть не только тогда, когда переживал небывалые драмы жизни, о которых рассказал в своей *Исповеди* (или, правильнее, *Исповедях* — множественное число указывает на то, что с лету простить себя мучительнее всего и требует множества усилий), но и когда просто сидел за письменным столом и водил тупоконечным пером по новенькому с утра подготовленному свитку. Раннесредневековый мыслитель Исидор Севильский говорил, что если кто хвалится, что прочел всего Августина, такой человек наверняка лжец; а на знаменитой фреске Карпаччо мы видим, как Августин сидит над богословскими трудами у алтаря, позади на полке книги и сосуды, необходимые инструменты богословской точности, а на переднем плане собака как знак верности церковному учению. Для Августина, напомним, не существовало различия между «вещами» и «знаками» как некоторой надстройкой над материальным: любая вещь была знаком, способным постоять за себя не меньше, чем каждое слово отстаивает постоянство своего значения, а попутно сообщить о воле Бога или ангелов. Ту же собаку мы видим и на фресках Гоццолли, изображающих жизнь Августина: на одной из фресок молодой Августин читает лекции «в Карфагенском университете». Конечно, во времена Августина не было университетов, он просто преподавал риторику состоятельным слушателям, пусть даже собранным вместе, но сама эта надпись красноречивее сотен монографий: Августин умел пережить в своих речах судьбу целых образовательных систем, — так что даже не учившиеся в университете при чтении

книг Августина, даже не очень внимательном, незаметно для себя проходили целые курсы, и могли бы сдать логику, метафизику или этику без затруднений.

Если Григорий Богослов вспоминал о Василии Великом, что в молодости они знали только два пути, в храм и в училище, то Августин знал в молодости много больше путей, в чем отличие североафриканского темперамента от почтенного греческого: влюбленности и цирковые игры влекли его не меньше образования, хотя образование он получил отменное. Как психологический тип, Августин принадлежал к людям, которые пытаются полагаться сразу и на добрые впечатления, и на добрые советы: тип несколько истеричный, но именно в нем и возникают гении, ставящие каждый день неожиданные вопросы. Преданность матери Монике и бунт против нее, увлечение духовными экстазами и соблазнение всеми соблазнами большого города, желание быть примером для всех и неумение совладать даже с простыми примерами — так что каждый пример, встречавшийся ему на пути, превращался в притчу, «ход веков подобен притче и может загореться на ходу» — вот о чем сам Августин рассказывал, вспоминая былые годы. В некотором смысле, Августин — противоположность блаженного Иеронима Стридонского, переводчика Библии на латынь, не менее пылкого богослова и полемиста: Иероним любил коллекционировать примеры, и если обрушивался на кого в гневе, то на тех, кто не умеет следовать самым лучшим примерам. Августину всегда нужно было быть беспримерным; и по известному преданию, объяснил ему его богословские задачи ангел. Однажды он шел по берегу моря, и увидел мальчика, черпавшего воду из моря и выливавшего в малую лунку на песке. Августин спросил, что за безумие он задумал, если он намерен перелить обширное и прекрасное море в столь малое и ненадежное вместилище. Мальчик, оказавшийся ангелом, ответил, что не больший нонсенс его занятие, чем замысел Августина написать исчерпывающий трактат о тайне Троицы. Августин смирился мыслью, но не оставил своих задач, и предложил решение тайны Троицы, которое само звучит как притча, как бытие, сразу выдавшее нам свой смысл.

Обоснование догмата о Троице, входившее в задачи Августина как епископа, то есть хранителя веры, требовало доказать, во-

первых, необходимость трех лиц Бога, во-вторых, отношения между ними, которые бы позволили определять эти лица именно как лица, не допуская ни замутнения единой божественной сущности, ни дополнительных диалектических построений. Августин первым доказал логическую необходимость существования Бога только как Троицы, и первым же предложил психологическую модель, делающую Троицу необходимой предпосылкой наших рассуждений об устройстве нашего собственного познания.

Были в истории и другие обоснования догмата Троицы. Отцы восточной Церкви, писавшие по-гречески, предпочитали как пример Троицы классическую антропологию, деление души на ум, чувство и волю (или, по Платону, ум, гнев и вожделение), что казалось самым простым решением. У такого уверенного платонизма было много последователей, вплоть до романтиков: Шеллинг, как и его последователи, включая русских мыслителей В. С. Соловьева и А. Ф. Лосева, выводил догмат о Троице из диалектических способностей нашего ума, из способности обосновывать себя или опровергать себя, откуда через различные последующие выводы и получалась система зеркал, образующая Троицу как действительную модель бытия. В XX веке получил развитие еще и богословский персонализм, скажем, В. Н. Лосского, для которого отношение лиц Троицы — образец межличного общения, встречи разных личностей, церковной общинности или познания другого человека как явленного Богом человека, уже вступившего в некоторые отношения и вдохновившего на них. Такой персонализм косо смотрел на Августина, считая, что в его системе больше описываются состояния, чем ситуации открытого общения по образцу общения Троицы. Это обвинение построено на недоразумении: согласно обвинителям, формула Троицы Августина «любящий, любимый и любовь» якобы играет аспектом одного понятия, вместо отдельных понятий для каждого из лиц. Но в самом деле Августин имел в виду не фазы или аспекты одного понятия, — но способность вовлечься в понимание в любом аспекте собственного бытия, перейти от бытия в бытии к пониманию понятного.

Августин тоже считал, что если человек сотворен по образу и подобию Божию, то и Троица отражена в его строении. Только это не иерархия платоновских способностей души, а устройство

человеческих реакций: скажем, память, внимание и решительность. В модели Августина есть не только доказательство по подобию, но и переживание откровения как психологического воздействия: поэтому Августин никогда не будет говорить о самодержавном уме, но только об отражениях, реакциях, памяти, внимания, влюбленности, интереса в нашем бытии, от которых и выводится неотразимость Троицы. Нельзя обосновывать Троицу, опираясь на активность своих ограниченных и падших способностей; но можно обосновывать, исследуя собственные реакции на данные Откровения, исследуя собственные предпосылки к тому, чтобы быть не вполне собой, перестать быть привычным собой и стать другим.

В Новом Завете Отец, Сын и Дух — имена, прилагаемые к Богу, но из самих описываемых ситуаций отношений Сына к Отцу и к Духу показывающие, что это не имена свойств или аспектов, но разных лиц. Это стало вызовом для христианского богословия: нужно было обосновать, что слово «лицо» или «ипостась» лучше подходит, чем другие слова для описания разности, и обосновать, что божественная природа, будучи единой и неизменной, во все не исключает собственного назначения каждого лица, собственного его сбытия как единственной возможности быть назначенным.

Богословие Троицы Августина полностью следует из способа истолкования Писания. Для Августина Писание — не собрание тезисов, а линия событий, взывающая к честному толкованию. Три ангела явились Аврааму. Августин не торопится сразу увидеть образ Троицы, но думает, какой урок дает вся ситуация, а не отдельный образ. Авраам — праотец многих, Авраам — образец преданности, значит, нужно увидеть и в трех ангелах преданность и начало бытия. Значит, Троица — не просто образ созерцания, но действительное единство, действительная преданность, действительный предвечный совет и замысел о мире.

Трактат Августина делится на 15 книг — такое деление восходит к литературной форме античности, когда книги существовали в виде свитков: ограниченный «формат» свитка и задавал объем книги. Обычно считалось, что книгу можно прочесть или написать за рабочий день: этот объем близок нашему объему «брошюры» или

«авторского листа». Начав с рассветом труд, на закате можно было уже подвести его итоги. Как и полагается многим богословским трактатам, начинает Августин с полемики; затем дает аналитический обзор вопроса во всей его логической полноте; затем приводит аналогии, позволяющие ввести богословские суждения в действительную жизнь; наконец показывает, что защищаемый догмат необходим для того, чтобы бытие сбилось. Трактат Августина отличается от названной схемы только немного более изощренным строением: Августин часто возвращается к полемике с ересью. Его усилие спора особенно важно оценить в наше время, когда ереси возрождаются как борьба с эросом: враждебное восприятие влюбленности и увлечений как какого-то «неблагочестивого» соблазна можно назвать возрождением древних ересей в XXI веке.

В ответ на еретические построения, в которых Сын ниже Отца, раз в Новом Завете он предоставляет действовать Отцу, повинаясь воле Отца, Августин замечает, что уже позволение действовать воле другого говорит о равенстве двоих. Равно как и Дух не просто послан Сыном от Отца, но выступает как Утешитель, *Advocatus*, полномочный представитель и заступник, а значит, равен всем другим лицам. Равенство лиц Троицы — не формальное равенство умений, задач или достижений, но настоящее равенство как умение каждого сказать за себя и за другого, подать голос за другого и ответить за другого.

Августин ставит важный вопрос о видениях: есть ли это сотворенные Богом образы, объясняющие тем самым устройство воли Бога, или посланные Богом ангелы с вестью, которые сообщают только качество этой воли? Августин говорит, что для Бога всегда возможно объявить о качестве собственной воли, послав любое число ангелов, — но видения создаются прежде всего для человека: чтобы можно было понять не только всемогущество этой воли, но ее несомненную благость; чтобы в этой воле научиться видеть наперед благость воли. Августин резко порывает с пониманием пророчеств просто как грозных предупреждений: для него пророчества не огулают человека, но напротив, лелеют его, так что человек начинает сам понимать, что бывает ему ко благу.

Даже Сын, пишет Августин, был послан для того, чтобы показать, как Бог может быть скромнее и бережен к себе, и тем самым

бережно спасти род человеческий. Кеносис, уничтожение Бога при воплощении, для Августина не только пример спасительного смирения, но и непосредственно проживаемая история, оборачивающаяся любовью: скромность не просто учит скромности, но подхватывает на крылья вдохновенной прозрачной умеренности всё человечество.

Августин опровергает тех, кто пытались утверждать неравенство лиц Троицы исходя из того, что одно из лиц может служить эпитетом другого: например, Христос называться «силой» или «мудростью» Бога-Отца. Августин замечает, что в нашей обычной жизни эпитет ниже того, к чему он прилагается, лишь потому, что кроме устойчивых эпитетов бывают неустойчивые эпитеты, — по свойству самих вещей, стоящих за разными словами. Но если в Троице совершенны все лица, а совершенство требует непреложности бытия и суждения, то и каждый эпитет столь же непреложен; и столь же равен в умении действовать мудро или решительно, исходя из своей непреложности. Если мы называем человека мудрым, мы видим лишь отдельные проявления его мудрости; но если Бога называем мудрым, значит, мы исходим из того, что настоящая мудрость обустроит все мудро и Бог обустроит мир так, что мы не сможем упрекнуть даже то, что нам не нравится в мире, в недостаточной мудрости. Если нас раздражает какое-то насекомое, то оно мудро и для птиц, которыми оно питается, и для растений, которые оно не раздражает.

«Любящий, любимый и любовь» — повторим, это вовсе не про то, что первый деятелен, второй страдателен, а третий просто качество. Это про то, что любовь может быть измерена только влюбленностью и способностью быть любимым, и любовь начинается в любящем и завершается в нем. Это про то, что равенство лиц возможно, когда каждое лицо находит в себе начало и для себя, и для других. Именно поэтому Троица Августина не больше каждого из лиц: каждое из лиц начинает ее, зная уже и все ее завершение, и тем самым завершая в своей цельности ее полноту.

Картину такой Троицы мы видим у Данте: один яркий диск отражается от другого, а третий исходит от них как действительное отражение. Здесь перед нами важный вопрос, поневоле поставленный Августином: несомненно, что Сын рождается от От-

ца, об этом говорят сами их имена, но Дух явно может быть дыханием и Сына, и Отца, раз рождение одного от другого — тайна, овеянная этим дыханием. Восточное христианство настаивает на исхождении Духа только от Отца, имея в виду то, что если Отец имеет свойство один рождать Сына, то лишать его свойства одному изводить Духа — это умалить само строение божественных свойств, заменив часть свойств взаимозависимостями. Но западное христианство допускает, и отчасти с опорой на трактат Августина, возможность исхождения Духа и от Отца и от Сына, имея в виду другое — раз Дух наследует Отцу, то он наследует и тайне рождения Сына от Отца. Прямо из трактата Августина западный догмат не следует, и в Византии как раз оценили возможность использовать трактат Августина против «латинян»: еще в XII в. Мануил Комнин перевел этот трактат с латыни на греческий, и византийские полемисты ссылались на этот трактат, чтобы обосновать, что Отец имеет все активные свойства, а значит, лучше приписать ему и всякую активность рождения Сына и Духа.

Во второй части своего трактата Августин находит образы Троицы, всемогущего Отца, Сына-спасителя и Духа-вершителя, в строении человека. Одна из таких троиц — память, понимание и воля. Память строго блюдет свои пределы, но помнит и о понятии и решенном; понимание рвется спасти вещи, которые помнит и которые возжелало; а воля обретает себя в вещах, так что вещи становятся столь же памятными, сколь и понятными. Другая такая троица — тело, выражение лица и воля: тело заявляет о себе выражением лица, которое повинуетя телу, но сообщает спасительные знаки всем, тогда как воля, показывая, что невозможен облик без тела и тело без облика, замыкает спасительные знаки в действительности тела, каковая действительность неотъемлема от индивидуального выражения лица, от мимики и жеста. Так Августин обосновывал сдержанность и скромность жестов, аристократизм выражения лица, раз выражение лица подобно смирению Иисуса.

Еще одна троица — образ в душе, воображение и решение (будь то решение задачи или решимость). Еще одна троица, педагогическая — заученное, воспоминание и ответ. А мудрая троица:

созерцание, представление и любящий интерес, которая отличается от простого знания, позволяющего лишь сохранять слова и вещи в памяти, но не объясняющего нам, частью какой троицы является память. Августин так и определяет мудрость — это умение поместить память в разные психологические троицы, подумав о значении образов, воспоминаний, угасших желаний или живой благодарности. Тематика романа, такая как «поздней страсти ярость», по выражению А. Блока, воскресшая память, возвращенное время, тематика Тургенева или Пруста — всё это восходит если не к богословию Августина, то к пониманию Августином мудрости.

Трактат Августина был очень важен для многих интеллектуалов разных веков. Его любили мистики, прозревая в нем исчерпывающую карту души. Трактат Августина любили протестанты, ценя в нем изображение веры не как императива воли, а как созерцаемого феномена спасения, но любили и католические противники протестантизма, возвеличивая Августина за его понимание памяти и воображения как необходимых моментов познания Троицы — тогда можно обосновать и уникальность Католической Церкви как хранилища культурной памяти и политического воображения. Ханна Арендт, крупнейший политический мыслитель XX века, защитила диссертацию о понятии любви у Августина, а Павел Флоренский говорил нашим соотечественникам, что только познавший Троицу может любить истинной любовью.

Доска работы Пьеро дела Франческа изображает Августина, саккос которого скреплен фибулой с изображением воскресшего Христа, а на оборках саккоса изображены евангельские сцены: Благовещение напротив Бичевания, Рождество напротив Распятия, Бегство в Египет напротив Вознесения, а ниже Обрезание и Гефсиманское моление. Такое построение читается как текст: мука бичевания и распятия, обещанная в миг Благовещения, вводит в историю страданий умение быть готовым к страданиям (августиновская «память»), Рождество на муку Распятия вводит в историю умение вспоминать счастье как спасение других даже в момент горчайшей муки (августиновское «воображение»), наконец, бегство в Египет и вознесение на Небо и есть обучение